

120-ый штат
(пьеса малого формата)

Действующие лица:

СТЕФАНИ – русская студентка, проходящая практику в районной телепрограмме «Ванька-встанька». 19-20 лет

ДЖОНИ – редактор, он же пиар-менеджер проекта. 33-35 лет.

МАША – журналист и ведущая «Ваньки-встаньки», комплексует из-за своего сильно русского имени, хотя и не знает, как оно звучит полностью. Чтоб не обижать, все ее называют Мерлин. 25-27 лет.

Из дневника патриота:

«Мы сами возобновили холодную войну. Говорят, на рубеже 20 и 21 веков Россия была единственной страной, которая имела ядерное оружие. Еще в школе нам показывали фильмы про 86 штат Америки, который раньше назывался Япония. Там было два городка. Русские были кровожадным народом, мы уничтожили их только за тем, чтобы запугать весь окружающий мир. После чего, наш диктатор начал войну с 71 штатом - Германией. Мы считали себя лучшей расой, а других уничтожали. Мы создавали Гетто и уничтожали евреев, немцев, англичан. Потом мы пытались уничтожить остальные штаты Великой Страны: Вьетнам, Египет, Украину...

После победы Великой Страны Россию признали 120-м штатом. С нами обошлись очень благородно, не уничтожили, не превратили в рабов, а провозгласили новыми гражданами. Еще зелеными и мало что понимающими в демократии. Но обещали научить и показать, как правильно жить. Нам показывают нужные фильмы. У нас есть локальная сеть, в которой мы общаемся в пределах своего штата.

Мы можем делать все то же самое, что делают в других штатах нашей Великой Страны. Только выезжать за пределы нашего – нельзя.

Впрочем, никто и не стремится. У нас итак все хорошо. Правда, был случай лет 20 назад. Бежала из нашего штата семья. Говорят через какой-то лабиринт в лесу. Отец, мать и ребенок лет 10. Что уж произошло дальше и что стало с родителями - неизвестно, но мальчик вернулся. О нем писали в газетах, хвалили за преданность Великой стране».

Сцена 1.

Стефани и Маша сидят за столом и пьют кофе.

МАША: Не волнуйся, солнышко, Джони всегда опаздывает.

СТЕФАНИ: Так мне это, главное практика. Чтоб проставили.

МАША: Хоть сейчас.

СТЕФАНИ: Не, сейчас не надо. Мне же отчет писать, хочу все честно.

МАША: Ну, ок. А почему ты, Стефани, решила именно у нас, в скромной районной программе? Почему на городской канал не пошла? Или по своему району?

СТЕФАНИ: В городе сказали, пишите характеристику - распишемся. А я хочу поработать по специальности. В моем районе редактор в отпуске. Из остальных программ мне как раз «Ванька-встанька» больше нравится.

МАША: Отличница?

СТЕФАНИ: Ну, была четверка...

МАША: Ну, молодец, я считаю. Хотя в районных программах ловить нечего. На работу тебя тут все равно не возьмут. Только если меня переведут в городскую. А меня повышать что-то не спешат.

СТЕФАНИ: А ты уйти хочешь?

МАША: Убежать! Но имя, понимаешь, мешает.

СТЕФАНИ: Мерлин - хорошее имя для Великой страны.

МАША: По паспорту я Маша.

СТЕФАНИ: Ааа...

МАША: Родичи постарались на славу, дай им провиденье перевоплотить, конечно, в другом штате. Ну не козлы ли? Всю жизнь испоганили. Главное в паспортный прихожу, говорю, умоляю, дайте имя сменить, я за Великую страну. Крутят у виска. Но всем же известно, что фамилию у нас сменить можно, цвет глаз, вес, рост, пол у нас сменить можно. Демократия же. А вот имя - нет. Один из показателей генотипа родителей.

*Входит Джони. Он в приподнятом настроении,
жуует жвачку, напевает что-то себе под нос.*

ДЖОНИ: Свершилось чудо.

Садится за стол, смотри на Стефани.

ДЖОНИ: А ты кто?

СТЕФАНИ: Я Стефани. Я на практику.

ДЖОНИ: Понятно. Ты характеристику уже себе написала? Где расписаться?

СТЕФАНИ: Мне сейчас не надо, я хочу практику пройти.

ДЖОНИ: Эээ. Ну, ладно. Проходи.

МАША: А свершилось то что?

ДЖОНИ: К нам едет... А никто к нам не едет. Задание, наконец, новое дали. От самого!

Помнишь, в прошлом году мы проводили акцию: Стерилизуй жену – съезди на море?

МАША: Помню, я месяц на пляже провела. Правда, купаться после операции нельзя было.

ДЖОНИ: Нас так хвалили, так хвалили тогда. Особенно тебя, Ма... Мерлин.

МАША: Хвалить - хвалили. А толку то?

ДЖОНИ: Да ты погоди, сейчас новая акция. Выложимся - поговорю еще раз насчет твоего перевода. Так вот, в этом году немного почистить геном надо. Но народ то в нашем районе дикий, возмущаться начнут. Надо нам красиво это преподать. Жвачку?

МАША: Спасибо.

Стефани хотела взять, но передумала. Застеснялась.

ДЖОНИ: А главное, все уже есть. Кароче, главное надо давить на то, что это все бесплатно. Что таблеточки розового и синенького цвета будут раздаваться в аптеках. Кто решится на этот шаг – получит бесплатный ужин в ресторане и номер в отеле, где процедуру «чистки» сможет совершить. Но это еще не все. У нас же демократия. Кто не хочет просто таблеточку, может и купить. Будут специальные – со вкусом колы там, клубники. И отель может себе выбрать пятизвездочный. Даже в центре города можно. С кучей полотенец. Бассейном и баней. Здорово же, правда.

МАША: Не плохо так. А сроки какие?

ДЖОНИ: В начале той недели надо компанию запустить. А щас думать.

СТЕФАНИ: А если люди не захотят умирать?

ДЖОНИ: Умирать? Давно жаргончиков не слышал. Тренеры по личностному росту уже давно решили, что смерти нет. Тем более все же хотят в другом штате переродиться. Ты на каком курсе, Стефани?

СТЕФАНИ: На втором.

ДЖОНИ: Ну, еще научишься, значит.

Из дневника патриота:

«У нас в университете был очень хороший преподаватель истории – Оливер Сергеевич. Он рассказывал нам, лоботрясам, о том, что происходило в странах, пока они еще не стали частью Великой Страны. Он рассказал о русско-масонском заговоре, о существовании которого подозревали уже в 18 веке. Конечно, это все скрывалась, пока однажды «Протокол русских мудрецов» не попал в руки к одной женщине, которая открыла миру правду. Тогда и стало понятно, что Россия считает себя избранной расой, которая презрительно относится к низшим сословиям, другим расам и этносам. Именно поэтому в нашей бывшей стране был организован репрессивный аппарат, который уничтожил всех на своем пути. Многие не верили в этот заговор, и лишь в лондонской газете Таймс, 8 мая 1920 года напечатали статью, о том, что «Протоколы» существуют на самом деле. Конечно, грустно осознавать, что наши предки были гнусными и ужасными людьми, зато сейчас мы знаем правду. Говорят, примерно через 600 лет наш генотип, наконец, очистится от «дурной крови».

А потом Оливера Сергеевича попросили почиститься. Это произошло внезапно, между двумя парами. При этом ему разрешили довести вторую пару до конца, оказав этим самым большую честь. Видимо он переволновался, но час двадцать он рассказывал какие-то небывлицы про фальсификацию истории, про Пушкина, Лермонтова, Есенина, которые зачем-то писали стихи на русском языке, про Попова, Павлова, про небывалые детские лагеря, в которых людей не расстреливали, а кормили 4 раза в день, про песни у костра. Какая дикость петь песни перед огнем. Мы вообще ничего не поняли, кроме того, что наш профессор струсил. Ему оказали честь – предложили добровольно почиститься. Теперь его дети могут выбрать себе в будущем профессию сами. Ведь известно, что если один из родителей прошел добровольную чистку – его геном не так уж и плох, а его дети, воспитанные в традициях 120-штата, готовы к демократии и праву выбора».

Сцена 2.

Все тот же офис. В редакции «Ваньки-встаньки» относительная тишина. Все молчат, но при этом фоном мы слышим стук клавиатуры, иногда звонит телефон. Джони грызет зубочистку, время от времени вытаскивает ее изо рта, «выдыхает» несуществующий дым, «тушит» зубочистку о стол.

МАША: Рекламной компании нужно какое-нибудь крутое название. Чтобы всех в выгодном свете представить. Может что-нить типа: «Подари детям выбор»!

ДЖОНИ: Да, было. И у нас что-то похожее даже. И вдруг детей нет. Может студенты захотят почиститься. Их же конек все акции, шмакции, митинги, просветления.

МАША: Ну, тогда, как раз студента довольного. «Чем раньше, тем лучше!». Ну и как бы неоднозначно. Даже сексуально немного.

ДЖОНИ: Опять привязка к возрасту. Шире надо брать целевую аудиторию. Как раз акцент, что может участвовать любой желающий. Без ограничений. Что доступно каждому. Но при этом не забыть, что можно и платно. Опять же лучше, чтобы платно больше народу пошло.

СТЕФАНИ: А можно чувака, в одной руке у него бесплатная таблетка, в другой платная и надпись: «Выбор за тобой»!

МАША: А это прикольно.

ДЖОНИ: Ну, да. Узнаваемый персонаж из классического фильма. Можно попробовать. Мерлин, что думаешь?

МАША: Я думаю, пора тебе сдержать свое обещание.

ДЖОНИ: Ну, да. Ну, да. Как тебя говоришь, Стефани, сколько тебе лет?

СТЕФАНИ: 19.

МАША: Солнышко, хочешь поработать в кадре?

СТЕФАНИ: Еще бы.

ДЖОНИ: Ну, вот и договорились.

Сцена 3.

Наверное, это был следующий день.

По крайней мере, рубашка у Джони была другая. Жвачка, наверное, тоже.

ДЖОНИ: Ты, Стефани, возможно, не знаешь, но редактора всех районных газетенок и программ – когда-то тоже учились у лучших. Я учился по таким бестселлерам как «99 франков» и «Дженерейшн Пи». И поэтому каждую рекламу я стараюсь превратить в «шедевр». Тем более эта кампания - заказ от Самого. Значит, процент почистившихся на нашем районе должен быть выше среднего. Чей показатель лучше, та редакция и премию получит выше. А у нас куллер неделю назад загнулся. Новый бы прикупить.

МАША: Я тут скоро как этот куллер загнусь, Джони.

ДЖОНИ: Мне ТАМ, намекнули, что если все сложиться, тебя точно возьмут на стажировку в городскую программу.

МАША: На стажировку! У меня опыта больше, чем у всех их девиц вместе взятых. Но хоть так, ладно.

СТЕФАНИ: А что мне-то делать сейчас?

МАША: Ну как что, работать. Надо по району походить, в аптеки разные зайти, в кафе, гостиницы. Узнать, как там готовятся к проекту. Что интересного готовы предложить за деньги. Кароче, про фишечки платных услуг. Мы с ними насчет рекламы договоримся.

ДЖОНИ: Что-то как-то слоган не приходит на ум подходящий. Может: «Чистая жизнь».

МАША: Ну, не совсем же жизнь.

ДЖОНИ: Это, да. А может: «Потому что вы этого достойны», «Свобода навсегда» или «Мы никогда не забываем, что у вас есть выбор».

МАША: Ну, да. А для бюджетников вариант подешевле: «Зачем платить больше?».

ДЖОНИ: Еще так можно: небритый мужик, выбирает вариант подороже, за спиной его счастливая семья, в будущем зажиточная и «Так просто, что даже пещерный человек справится». Или там романтик, с цветочком сидит в кафе и надпись «Свидание с самим собой». Нигде вроде ничего подобного не было?

МАША: Вроде нигде, не помню, по крайней мере.

СТЕФАНИ: А я думала, один плакат будет.

ДЖОНИ: Разрешили 5 плакатов. На поликлинике, на школьном дворе, на центральной улице и по ТРЦ развесим.

СТЕФАНИ: А я что-то с петличкой разобраться не могу.

МАША: Ой, она уже полгода то фурычит, то не фурычит. Бери микрофон, не ошибешься.

СТЕФАНИ: Ну, я пойду тогда, похожу.

МАША: Так, солнышко, оператору звонить надо, договариваться.

СТЕФАНИ: Да я пригляжусь, что да как.

ДЖОНИ: Окей. Купи к чаю что-нибудь по пути. Я отдам.

СТЕФАНИ: Хорошо.

Уходит.

МАША: Я так понимаю, она не знает.

ДЖОНИ: Ну...

МАША: Опять ты двадцать пять!

ДЖОНИ: Маша, ну потерпи еще немного!

МАША: Чему-чему, а терпению за пять лет этих непонятных отношений с тобой я научилась.

ДЖОНИ: Ну, хорошо. Вот и расскажи ей сама. По заданию редакции, так сказать.

МАША: Ну, уж нет, спасибо, Джони. Ты редакция - ты и говори.

Джони молча выкинул старую жвачку. И начал отношения с новой.

МАША: Я что-то не поняла, ты не хочешь, чтобы я воспользовалась единственным шансом?

Типа тебе тут нравится и я должна всю жизнь терпеть?

ДЖОНИ: Не заводись.

МАША: «Потерпи, не заводись, стерелизуйся, нам рано жить вместе! Мне надоело - я ухожу!» Знаешь кто ты после этого?

ДЖОНИ: Я поговорю, поговорю.

МАША: Ну и поговори. Не тяни только.

Сцена 4.

Через пару дней, или неделю. Просматривают отснятый материал.

Там и репортаж из аптеки, где старенький фармацевт рассказывает, почему лучше брать со вкусом колы, чем простые таблеточки. И обзор заведений, готовых сотрудничать с проектом. И даже ателье, которое сошьет «лучший наряд» на последний торжественный прием.

ДЖОНИ: Ну, норм, в общем.

СТЕФАНИ: Спасибо. Надеюсь, в универе оценят мою практику.

МАША: Даже не сомневайся, солнышко.

СТЕФАНИ: Прямо представляю, как однокурсники будут завидовать, сразу с корабля да на бал. У меня еще после практики целый месяц перед учебой будет. Можно со спокойной совестью съездить отдохнуть будет.

МАША: Я пойду. Полчаса осталось, уже все равно ничего не успею.

ДЖОНИ: Давай, до свиданья.

СТЕФАНИ: Пока.

Маша собирается и уходит.

СТЕФАНИ: А мне остаться?

ДЖОНИ: Да. А вообще, знаешь, что Стефани, сказать тебе надо. Пойдем в кино сходим?

СТЕФАНИ: Ээм. Пойдемте.

Сцена 5.

Стефани с Джони возвращаются из кино.

СТЕФАНИ: Фильм хороший был, да?

ДЖОНИ: Добрый.

СТЕФАНИ: Вот все бы так в жизни, добрым было.

Джони улыбается.

ДЖОНИ: Стефани, а ты знаешь, почему наша программа так называется? «Ванька-встанька»?

СТЕФАНИ: Нет.

ДЖОНИ: И я - нет. Еще до меня так называли. Но я долго думал и искал информацию. Интересно же, что обозначает это страшное русское слово.

СТЕФАНИ: А оно русское? Ничего себе.

ДЖОНИ: Я нашел такую информацию, что раньше «Ванька-встанька» был почти в каждой русской семье. Но что он там делал - было не понятно. Потом узнал, что оказывается, у японцев, ну у 86-ого штата, тоже был «Ванька-встанька». Только назывался по другому – «Дарума». Это был такой божок. Считалось, что он приносит удачу. Вот, правда, ему самому не сильно повезло. У него не было рук и ног, атрофировались после 9 лет медитации. Японцы ему загадывали желания, а он исполнял. Наверное, у наших предков «Ванька-встанька» - это тоже был бог. Который не мог упасть и, не смотря на то, что у него не было ног, он всегда стремился встать.

СТЕФАНИ: Ничего себе.

ДЖОНИ: И наша программа, она тоже. Вроде всего районная, а старается выйти на уровень. И нас ценят даже сверху. Поэтому...

СТЕФАНИ: А вы знаете, о чем я мечтаю?

ДЖОНИ: Что? Нет. О карьере журналиста?

СТЕФАНИ: Ну, это тоже, конечно. Хочу дом большой. А там много-много кошек и собак, которых с улицы подобрали. Это, так, конечно. Глупости. Но хочется.

ДЖОНИ: Животных любишь? А почему на журналиста пошла?

СТЕФАНИ: Дак так распределили.

ДЖОНИ: А. Ясно.

СТЕФАНИ: Вы только никому не говорите, но мои родители были патриотами. Стыдно вспомнить.

ДЖОНИ: Ну, дай им провиденье переродиться в другом штате.

СТЕФАНИ: А у вас? Хорошие отношения с родителями?

ДЖОНИ: Были хорошие.

СТЕФАНИ: Здорово. А вы слышали историю про лес с лабиринтом, из которого пыталась сбежать семья?

ДЖОНИ: Слышал. В детстве.

СТЕФАНИ: Выдумки, наверное. И куда бежать, тут итак хорошо, да?

ДЖОНИ: Да.

СТЕФАНИ: Ну, вот мы и пришли.

ДЖОНИ: Ты в этом доме живешь?

СТЕФАНИ: Угу.

ДЖОНИ: Далековато до редакции.

СТЕФАНИ: Хотите чаю?

ДЖОНИ: Нет, спасибо.

СТЕФАНИ: Ну, до завтра, тогда.

ДЖОНИ: До завтра.

Стефани обняла Джони. Зашла и скрылась в подьезде.

Джони выплюнул жвачку и ушел домой. На улице стало пусто. Хотя комендантский час уже полгода как отменили.

Сцена 6.

В редакции сидит Маша. Входит Стефани.

СТЕФАНИ: Привет.

МАША: Привет. Не ожидала, что ты придешь сегодня.

СТЕФАНИ: Так, практика.

МАША: Ну, даже Джони не пришел. После вашего кино.

СТЕФАНИ (улыбаясь): Ты знаешь про кино? Так, а что? Мы рано разошлись. Ты не подумай.

МАША: Я и не думаю.

СТЕФАНИ: Я, конечно, наверное, дурочка. Но вот, кажется, что я в него влюбилась. Он, конечно старше и все такое. Но ведь женятся же люди с разницей в возрасте. Ну, конечно он не звал меня. Пока. Мы еще только в кино сходили. Ну, на будущее, вдруг. Кто знает, что будет.

МАША: Понятно. Ничего он тебе не рассказал.

СТЕФАНИ: Он женат?

МАША: Солнышко, давай чай попьем?

Пьют чай.

МАША: Знаешь ли ты, Стефани, почему наша программа называется «Ванька-встанька»?

СТЕФАНИ: Ну, да. В честь бога, который готов встать, не смотря на то, что у него ног нет.

МАША: Так рассказал он тебе все-таки?

СТЕФАНИ: Ну, видимо, да...

МАША: И что пришла сегодня? Иди с родными близкими время проводи!

СТЕФАНИ: Так практика же.

МАША: Я не понимаю, такая ты невозмутимая. Я перед стерилизацией месяц настраивалась. Все понимала, и плюсы, и деньги, и задание редакции. Но страшно же было. Ну, ведь необратимо же. А у тебя чистка через пару недель, а ты практика-практика.

СТЕФАНИ: У меня? Почему у меня?

МАША: Ну, Джони, ой трус, блин.

СТЕФАНИ: Подожди, я не понимаю.

МАША: Сейчас объясню. Вот в 86-ом штате великой страны, которую раньше называли Япония, был божок такой, Дарума...

СТЕФАНИ: Это я слышала, а я тут при чем?

МАША: Ну как, блин. Ну, я не знаю, как тебе сказать. Чтобы народ лучше пошел, надо чтобы было проверено на себе. Понимаешь. Чтобы все честно, что не фигню пропихиваем.

СТЕФАНИ: Но это же. Так нельзя.

МАША: Будут тебя за твою практику несколько курсов вперед вспоминать. В пример ставить! Ты, может, легендой журфака станешь!

СТЕФАНИ: Я не хочу, легендой. У меня 2 кота дома. И собака беременная.

МАША: Зато твоим близким почет и уважение. Денег дадут.

СТЕФАНИ: У меня нет близких. Я же ... умру.

МАША: Не глупи, солнышко, смерти нет. Ты просто перейдешь в другой мир. Может, даже не в нашем штате родишься. Это честь, Стефани, большая честь для маленькой студентки.

Стефани молчит.

МАША: Мы заявку уже подали. Эксклюзив, весь город ждет, не только район. Мы думали, ты понимаешь.

СТЕФАНИ: И какой вариант вы предлагаете: платный или бесплатный?

МАША: Платный, конечно. Редакция берет все расходы на себя.

Стефани уходит. Маша остается в редакции.

Сцена 7.

Ресторан располагался на первом, втором и третьем этажах нового 77-этажного отеля. Наверное, самый шикарный в городе. Сразу было понятно, что чистку Стефани проспонсировали свыше. Поглазеть на юную коллегу съехались все районные и городские СМИ. Приехал даже журналист из другого штата. Правда, дело было не только в молодой девушке. Именно тут собирались провести свою чистку сливки общества. Свой последний бал решили посетить и политики, и актеры, и спортсмены. Хлеба и зрелищ для четвертой власти было достаточно.

Стефани, Маша и Джони сидели за одним столиком. Вместе отвечали на вопросы коллег, вместе выходили потанцевать, вместе фотографировались.

МАША: Этот отель построили меньше чем за год. Говорят Сам заказал его.

ДЖОНИ: Говорят несколько прорабов почитились во время стройки. Слишком много недочетов было.

МАША: Зато, какая красота.

ДЖОНИ: Видите даму в красном?

СТЕФАНИ: Тут половина в красном.

ДЖОНИ: Да вот, перед нами. Жена актера Адама Смита. В прошлом году тоже участвовала в акции.

МАША: Адам потом на море отдохнул.

ДЖОНИ: У них трое детей было. Старший однажды публично назвал наш штат Россией. Дай ему провиденье перевоплотить в другом штате. Вот родители сейчас за двоих оставшихся стараются.

СТЕФАНИ: Понятно.

ДЖОНИ: Многие политики привели сюда своих половинок.

МАША: Лучший способ избавиться от надоевшей жены.

ДЖОНИ: Дай им всем провидение перевоплотиться в другом штате.

МАША: Пойдемте еще сфоткаемся, для журнала «Большой кум».

СТЕФАНИ: Да сколько можно, поесть не дают.

ДЖОНИ: В полночь все журналисты разойдутся. В 6 уйдут сопровождающие.

МАША: О, нет, пришла Сем.

ДЖОНИ: Почиститься?

МАША: Да, нет, похоже, конкурсы будут.

ДЖОНИ: Будем играть в «русскую мафию».

МАША: Пойду еще вина принесу.

СТЕФАНИ: Весело тут.

ДЖОНИ: Вечер только начался.

СТЕФАНИ:

Как от проказницы Зимы,

Запремся также от Чумы!

Зажжем огни, нальем бокалы,

Утопим весело умы

И, заварив пиры да балы,

Восславим царствие Чумы.

ДЖОНИ: Ух, какая ты оказывается. Пушкин у нас запрещен уже давно.

СТЕФАНИ: Да, мне это мама перед чисткой читала. А потом сожгла книжицу. Откуда она у нее была - я даже не знаю.

ДЖОНИ: Дай ей провидение перевоплотится в другом штате.

СТЕФАНИ: От вина только голова болит. Принеси, виски, пожалуйста.

Вечер продолжился. С появлением ведущей, начались конкурсы.

В них радостно участвовали виновники торжества, а также их свита. Уже ближе к утру, Стефани стала собираться в свой номер.

Сцена 8.

Троица стоит у лифта.

МАША: Ну что, солнышко, провожать не будем. Желаю переродиться тебе в новом штате. На каком ты этаже?

СТЕФАНИ: На 44. Кажется.

ДЖОНИ: Я бы сделал парочку фото твоего номера.

СТЕФАНИ: Хорошо.

ДЖОНИ: Мерлин поедешь?

МАША: Нет, спасибо. Пока солнышко!

СТЕФАНИ: До скорой встречи, Маша. Шучу я. Пока.

Джони и Стефани заходят в лифт. Нажимаю кнопку, и едут в светлое будущее. Джони фоткать, Стефани просто в светлое будущее.

Примерно на 20 этаже лифт встает. И светлое будущее отменяется.

Сцена 9.

Прошло некоторое время. Джони и Стефани сидят в лифте. Они застряли между этажами. Рядом с лифтом сидит Маша.

МАША: И, кароче, говорят до утра они не смогут ничего сделать.

ДЖОНИ: Мало прорабов почистили во время строительства, видать.

МАША: Репутация нашего канала пострадает. Мы весь вечер фоткались и давали интервью.

ДЖОНИ: Да я и сам расстроится.

МАША: Я так и буду гнить в этом «Ваньке-встаньке».

ДЖОНИ: Машь, ну не так тут плохо. Нас кидают, а мы опять встаем, как настоящие боги. Ну, есть один вариант, как сохранить репутацию и рейтинги.

МАША: Какой?..

ДЖОНИ: Ну, ты же умницей всегда была.

МАША: А, вот ты о чем. Да пошел ты! Я итак!

ДЖОНИ: Машь, ну что ты?

МАША: Придурок ты.

ДЖОНИ: Ну, посуди сама, тебе все равно сейчас дорога закрыта.

МАША: Ты че, серьезно, да?

ДЖОНИ: Да я посоветоваться хочу.

МАША: Ты мне мозги то не парь. Я знаю, чего ты опять от меня хочешь.

ДЖОНИ: Маша, ну ты же такая хорошая. Настоящая Мерлин.

МАША: Я тебя ненавижу уже давно.

ДЖОНИ: Ты сама знаешь, что за свою праведную жизнь, ты обязательно переродишься в другом штате.

МАША: Сволочь ты.

ДЖОНИ: Смерти нет, и никогда не было.

МАША: Мелочная скотина.

ДЖОНИ: Духовные тренеры - они же все выше нас. Лучше жизнь видят.

МАША: А главное ради чего - вообще не понятно? Одни лицемеры вокруг. И так - всю жизнь.

ДЖОНИ: Будет новая, хорошая жизнь. Которой ты достойна!

МАША: Ты сам-то веришь, во что говоришь?

ДЖОНИ: Духовные тренеры давно пришли к мнению, что смерти нет.

МАША: Вот именно. Пришли к мнению, а не доказали. Все вокруг говорят, что смерти нет. Что мы просто меняем оболочку. Что нашему телу миллионы лет, а душе – десятки тысяч. Что наша душа набирается опыта, и если опыт был хорошим и светлым, то и следующая жизнь будет такой же. Родишься не тут, а где-нить, в богатой семье, красивый, здоровый, с перспективами на будущее. А будешь говнюком – ну, понятно, в общем. И люди на это надеются. А ее, новой жизни, может и нет вовсе. И перерождений тоже. И смысла. И все эти тренеры духовные, они может сами в это не верят. Просто говорят, то, что мы хотим услышать: «Давайте почистим чакры и ауру. И тогда в следующей жизни можно будет заказать себе голубые глаза и богатых родителей». Деньги они так зарабатывают. Не на следующую светлую жизнь. А на эту.

ДЖОНИ: А я верю. Верю, что будет другая жизнь. По-другому нельзя.

МАША: Ну и дурак!

ДЖОНИ: Ты пойми, ты сделаешь это ради высшей цели. Это правильно! Ради Великой страны! Это ради будущего.

МАША: Я не знаю, почему я всегда соглашаюсь с тобой. Ты даже ничего не оценил. И не оценишь.

Маша уходит. На 44 этаж.

Ну что ж, дай ей провидение переродиться в другом штате.

Джони со Стефани идти собственно некуда.

СТЕФАНИ: Интересно, мне моих же животных вернут из приюта?

ДЖОНИ: Да, наверное.

СТЕФАНИ: Как-то даже радости нет. Хотя должна быть, наверное.

ДЖОНИ: М.

СТЕФАНИ: Я, наверное, сейчас плакать там должна от радости. Или что-то такое. Машу немного жалко.

ДЖОНИ: Пить хочется. У тебя ничего нет?

СТЕФАНИ: Нет. Но ведь она, правда, не виновата, что она Маша.

ДЖОНИ: И во сколько интересно у них тут утро начинается. В горле уже пересохло.

СТЕФАНИ: Она может и не добрая. Но такая правильная. Я вот все время чувствовала, что я живу как не в свое время, не там. А она как на своем месте была. Только вот имя.

ДЖОНИ: Роза пахнет розой.

СТЕФАНИ: Что?

ДЖОНИ: Вела бы себя не как Маша, а как Мерлин, давно бы на своем городском канале звездила.

СТЕФАНИ: Ей бы пошло. Она красивая.

ДЖОНИ: М. Холодно становится. Ты как?

СТЕФАНИ: Не, так даже нормально. Я красивой никогда не была.

ДЖОНИ: Все вы девушки одинаковые.

СТЕФАНИ: Просто это наша основная функция - быть красивыми.

ДЖОНИ: Бред какой-то. И с чего ты взяла, что ты не красивая? У тебя просто не классическая красота.

СТЕФАНИ: Это значит, на любителя?

ДЖОНИ: Это ничего не значит. Тут холодно. У нас нет воды. Душно еще.

СТЕФАНИ: Худший комплимент. Так ты садись рядом. Не так холодно будет.

Джони и Стефани сидят рядом.

Джони вытаскивает старую жвачку и прилепляет ее к лифту.

ДЖОНИ: Да, так лучше.

СТЕФАНИ: Как-то я даже не подумала. А что дальше то делать? В институте не ждут уже.

ДЖОНИ: Восстановишься. Или, у нас в редакции есть вакантное место.

СТЕФАНИ: У меня голос не поставлен.

ДЖОНИ: Зато тебя все знают теперь. Рейтинг.

СТЕФАНИ: Я могу попробовать. Знаешь, меня пугает, что мы так спокойно сидим и разговариваем. Как будто ничего не произошло.

ДЖОНИ: А меня пугает этот чертов лифт. Он как лабиринт, из которого нет выхода.

СТЕФАНИ: Можно попробовать поспать.

ДЖОНИ: Можно.

Минут через 10.

ДЖОНИ: Что-то не получается. Стефани?

Стефани спит.

ДЖОНИ: Да ладно?

Стефани спит.

Сцена 10.

Тот же лифт. Те же люди. Джони будит Стефани.

ДЖОНИ: Просыпайся, мне кажется, кто-то уже пришел.

СТЕФАНИ: Пора, да?

ДЖОНИ: Не знаю.

Джони встает и начинает стучать в дверь лифта.

ДЖОНИ: Мы тут! Откройте.

СТЕФАНИ: Тут кнопка есть.

ДЖОНИ: Не работает.

СТЕФАНИ: Правда пить охота.

ДЖОНИ: Говорят, человек начинает чувствовать жажду, когда в организме не хватает только 1% жидкости.

СТЕФАНИ: Что-то никого не слышно.

ДЖОНИ: Видимо, мне показалось.

СТЕФАНИ: Так и скажи, что скучно стало.

ДЖОНИ: Скорей жутко. Уже 6 утра. А мы в отеле, наверное, единственные живые люди.

СТЕФАНИ: Дай им всем провиденье переродиться в другом штате.

ДЖОНИ: Маша пришла в редакцию как раз в твоём возрасте. Красивая, смелая, готовая горы свернуть. Как ты.

СТЕФАНИ: Наверное, все такие сначала.

ДЖОНИ: Я никогда таким не был. Даже в детстве. Помню, родители мечтали выбраться из этого штата.

СТЕФАНИ: Зачем?

ДЖОНИ: Не знаю, они верили, что там - лучшая жизнь. Вроде даже общались с кем-то извне. Они верили, что это просто какой-то заброшенный проект. Реалити-шоу, о котором забыли. И там за лабиринтом - настоящая жизнь. И нет никакого 120 штата.

СТЕФАНИ: А ты?

ДЖОНИ: Я? Мне было 10 лет. Они побежали и я побежал. Мы долго блуждали в том лабиринте. А потом мы увидели свет. Родители так обрадовались. А я испугался. И что есть силы - побежал назад. Родители так радовались. Они не сразу заметили. Потом я слышал голос отца. Они меня искали. Но я бежал и бежал. Мне стало так страшно. Вдруг там не то. Вдруг там ждут солдаты с пушками. Или вообще нет жизни. А тут все понятно. Бежал и бежал. Пока не выбежал обратно. Сейчас бы я, наверное, не вернулся.

Стефани обнимает Джони. Они целуются.

СТЕФАНИ: А я бы побежала не раздумывая.

Они снова целуются. А тем временем утро настигло и рабочих.

Лифт заработал.

Сцена 11.

Стефани и Джони стоят в обнимку на улице. За спиной у них огромный отель с почистившимися. Какие-то люди в веселой бирюзовой форме выносят из него белые большие свертки.

СТЕФАНИ: А где тот лабиринт, пойдём?

ДЖОНИ: Сейчас?

СТЕФАНИ: А что тянуть?

ДЖОНИ: Если честно я очень устал. Эта ночь просто вымотала меня. Единственное чего я хочу - это лечь спать.

СТЕФАНИ: А мне-то что теперь делать?

ДЖОНИ: Пойдем со мной.

СТЕФАНИ: Где тот лабиринт?

ДЖОНИ: В лесу. В редакции открыта вакансия. Ты можешь проявить себя.

СТЕФАНИ: В каком лесу?

ДЖОНИ: Я бы хотел видеть рядом такую девушку как ты. Пойдем домой.

СТЕФАНИ: В каком, Джони?

ДЖОНИ: У нас их разве много? Всего-то три поблизости.

Обнимает девушку.

СТЕФАНИ: Я прогуляюсь.

ДЖОНИ: Ну, ладно. Жвачку?

СТЕФАНИ: Нет, спасибо.

Расходятся.

Конец.

02.09.2015 г.